

Как гласит пословица, далекий чиновник не указ местному смотрителю. Цинь Цзычу влачил жалкое существование заложника в царстве Чжао, так что, когда страж его темницы бесстыдно попросил взаймы, выбора у него попросту не оставалось.

Напустив на себя испуганный, подобострастный вид, Цзычу растерянно зыркнул на Люй Бувэя, словно ища у него защиты. Но тут же покорно склонил голову, запустил руку в широкий рукав и, нащупав увесистый мешочек с золотом, поспешно вложил его в ладонь Гунсунь Цяня.

— Раз уж вам так нужно, Офицер Гунсунь, забирайте всё без остатка, — заискивающе пролепетал он. — У меня тут припасено ещё десять золотых — примите их скромным подарком, купите себе доброго вина.

Гунсунь Цянь взвесил мешочек на ладони. В его заплывших глазках на мгновение сверкнуло алчное удовлетворение.

С тех пор как Наследного принца Цинь сослали в Чжао заложником, на родине о нём словно позабыли. Из Сяньяна не присылали ни весточки, ни медной монеты, и формально Ин Ижэнь выживал лишь на то скудное содержание, что выделяла ему казна Чжао. Гунсунь Цянь до последнего зёрнышка знал, сколько риса и серебра полагалось пленнику на год.

И пусть сейчас великий торговец Люй Бувэй так усердно увивался вокруг Цзычу, офицер ни на грош не верил, что богач станет безвозмездно осыпать заложника золотом. Каждому было очевидно: Люй Бувэй просто сбавил княжичу свою потасканную девку, а тот, дурак, ещё и рассыпался в ответных благодарностях.

Припрятав золото, Гунсунь Цянь тут же расплылся в широкой улыбке и от души хлопнул Цзычу по плечу, так что тот едва устоял на ногах.

— Ах, как вы щедры, молодой господин! Сразу видно — истинный дракон среди людей! — громогласно расхохотался он. — Пойдите-ка... Старею, видать, глаза совсем не видят. Что это на вас? Неужто обнова? Алый шелк вам невероятно к лицу — губы так и алеют, а кожа бела, как нефрит! Ха-ха-ха!

Цзычу вежливо улыбнулся в ответ. Он неторопливо разгладил складки на плече, примятом тяжелой дланью смотрителя, и слегка вскинул подбородок — в его жесте скользнуло едва заметное, ребяческое хвастовство:

— Госпожа Хуаян проявила ко мне великую милость и признала своим законным сыном. Опасаясь, что в Чжао мне приходится терпеть нужду и лишения, она вместе со своими служанками собственноручно сшила для меня эти одежды. Сама она родом из Чу, а у них там, как вы знаете, почитают красный цвет. Вот почему её подарки столь ярки и праздничны.

С этими словами Цзычу приподнял руки, демонстрируя широкие, струящиеся рукава.

Офицер присмотрелся внимательнее и обомлел.

По воротнику, обшлагам и подолу длинного одеяния тянулась тончайшая вышивка — едва заметные, переливающиеся на свету узоры в виде парящих фениксов. Работа была столь искусной и кропотливой, что обычный взгляд не сразу бы её различил. Подобная вышивка требовала от мастериц невероятного напряжения сил; простые швеи слепли за такой работой и ни за какие деньги не брались за неё. Содержать искусниц подобного уровня могли лишь знатнейшие дома Поднебесной.

Этот сопляк Ин Ижэнь вот-вот взлетит к самым небесам!

Гунсунь Цянь мгновенно прищурился. Недолго думая, он вытащил из-за пазухи еще не успевший согреться мешочек с золотом и всунул его обратно в руки Цзычу, приторно заискивая:

— Если в один прекрасный день вам, господин, улыбнется великая судьба, умоляю, не забывайте о нашей скромной дружбе здесь, в Чжао.

На лице Цзычу расцвела ещё более теплая и искренняя улыбка. Он мягко отстранил руку смотрителя, возвращая золото, и заговорил с глубоким вздохом:

— Доля заложника на чужбине горька. Сколько царских сыновей сгинуло без следа, так и не дождавшись свободы... Все эти годы, когда над моей головой сгустились тучи, лишь благодаря вашему заступничеству, Офицер Гунсунь, я оставался жив. Разве могут эти жалкие крупички золота сравниться с вашим великодушием? Прошу вас, не обижайте меня отказом.

В глазах Гунсунь Цяня отразилось неподдельное изумление. Он снизу вверх уставился на Цзычу, который был выше его почти на полголовы, и долго не мог подобрать слов.

Уж кто-кто, а сам смотритель прекрасно помнил, как обращался с заложником все эти годы.

Весной он урезал ему паек, летом лишал льда для прохлады, глубокой осенью таскал со склада причитающееся тому зерно, а зимой без зазрения совести крал уголь. До полной нищеты он княжича, конечно, не доводил, но жизнь того была беспросветной и жалкой.

Будь на месте Цзычу любой другой, он давно иссох бы от ненависти и проклинал бы своего мучителя каждую ночь.

Гунсунь Цянь никак не ожидал услышать столь проникновенные, полные благодарности слова. В те редкие моменты, когда он замолвливал за него словечко перед Правителем царства Чжао, он руководствовался исключительно собственной выгодой, рассчитывая вытянуть из пленника побольше монет.

Однако лесть сладка любому сердцу.

Поразмыслив, офицер вдруг проникся к себе невольным уважением. «А ведь и правда, — подумал он, — ну придерживал я немного припасов, зато парень жив остался! Да мы просто помогали друг другу!»

— А вы, господин, на редкость мудрый человек! — Гунсунь Цянь приподнялся на цыпочки и вновь размашисто похлопал Цзычу по плечу.

Теперь золото легло ему в карман удивительно легко и приятно. Любые опасения, что возвысившийся княжич вздумает отомстить за бывшие притеснения, мгновенно улетучились из его глупой головы.

Люй Бувэй, неторопливо шествовавший следом, не сводил пристального взгляда с профиля Цзычу. В груди купца росло глухое беспокойство.

Раньше княжич во всем полагался на него и не умел скрывать своих чувств. Торговец прекрасно знал его тайные обиды и не сомневался: Цзычу всей душой ненавидел мелочного смотрителя за его издевательства.

«Неужели он действительно повзрослел, обзаведясь сыном, и просто забыл бывшие обиды? — изумлялся про себя купец. — Или же затаил злобу в самой глубине души, дожидаясь верного часа для мести?»

Эта мысль уколола его тревогой. Глядя, как Цзычу непринужденно и ласково улыбается их мучителю, купец внезапно ощутил, как нити контроля над послушным доселе заложником медленно выскальзывают из его пальцев.

Охваченный внезапным порывом, он ускорил шаг, нагнал юношу и, не сдержавшись, резко схватил его за предплечье. От этого неожиданного рывка тонкий ворот шелкового халата Цзычу слегка разошелся, приоткрывая ключицы.

Подобная бесцеремонность показалась Цзычу верхом нелепости.

Он в недоумении повернулся к Люй Бувэю, пытаясь свободной рукой вернуть на место поехавший рукав, но лишь неловко запутался в широких складках. В конце концов, в этой жизни он никогда не одевался сам — столь сложное облачение требовало привычки, которой у него пока не было.

Встретившись со спокойным, ясным взглядом Цзычу, Люй Бувэй мгновенно опомнился. На его лицо тут же вернулась привычная, гладкая маска доброжелательности. Выдержав короткую паузу, он виновато рассмеялся:

— Простите великодушно, молодой господин! Мне показалось, вы оступились и вот-вот упадете, вот я и ухватился за вас с перепугу. Ха-ха, глупо вышло. Всю прошлую ночь сидел над счетными книгами, глаза теперь совсем не служат. Не держите на меня зла.

Цзычу не уловил скрытого смятения купца, решив, что тот просто предостерегает его от излишней откровенности с чиновником. Мягко усмехнувшись, он примирительно проговорил:

— Великому торговцу Люю с его огромным делом негоже так пренебрегать здоровьем. Вам нужно больше отдыхать.

Люй Бувэй ухватился за это спасительное объяснение и сокрушенно покачал головой:

— Какое там «огромное дело»! В Ханьдане нынче торговля идет со скрипом. Вот распродам остатки шелка и пряностей — и вернусь на родину, переведу дух. Да и супруга моя дома, чай, совсем истосковалась.

Цзычу лишь теперь, с некоторым опозданием, сообразил, что его спутник гораздо старше его и давно связан узами брака. На его лице отразилось мимолетное удивление.

Заметив это замешательство, Люй Бувэй окончательно успокоился. Прежние подозрения растаяли, уступив место привычному покровительственному умилению: «Всё тот же простодушный мальчишка», — подумал он.

Голос купца зазвучал вкрадчиво и мягко:

— Надеюсь, молодой господин не думает, будто мне действительно дорога Чжао Цзи? Для меня она была лишь мимолетной забавой в торговых поездках, так что не берите в голову.

Несмотря на вернувшееся спокойствие, купец не удержался от тонкой шпильки. Он намеренно напомнил Цзычу о пропасти между его высоким происхождением и сомнительным прошлым Чжао Цзи, исподволь намекая на её корыстолюбие, дабы посеять раздор в их союзе.

Однако в сердце Цзычу не было места ревности или нежным чувствам к этой женщине. С легкостью пропустив выпад мимо ушей, он лишь беззаботно улыбнулся:

— Мне лишь любопытно, какая женщина смогла покорить сердце столь искушенного мужа, как вы. Должно быть, хозяйка вашего дома — писаная красавица.

Люй Бувэй пристально посмотрел на юношу, а затем с притворно-жалостливым вздохом развел руками, жестом приглашая гостей к накрытым столам:

— Ищут жену добродетельную, а не красивую. В свое время я послушался отца и взял в жены

дочь одного зажиточного купца из царства Вэй. Что греха таить — добродетели в ней хоть отбавляй, да только возвращаться домой к ней совсем не тянет!

Эта бесхитростная мужская жалоба мигом развеяла натянутость, и все трое дружно рассмеялись.

Люй Бувэй хлопнул в ладоши. Тотчас затянули песню музыканты, и в зал легкой вереницей вплыли танцовщицы. Изгибаясь в соблазнительном танце, они то и дело бросали лукавые взгляды на пирующих мужчин.

Служанки без устали подливали вино в кубок Гунсунь Цяня. Тот, привалившись к столу, сальными, мутными глазами пожирал полуобнаженных девиц, осушая чашу за чашей. Люй Бувэй тоже расслабился, тихонько покачивая головой и напевая в такт мелодии.

И лишь Цзычу, привыкший в прежней жизни к масштабным современным шоу, взирал на это провинциальное действо с вежливым равнодушием.

Заметив скуку на лице юноши, Люй Бувэй незаметно кивнул стоявшей рядом служанке, безмолвно приказывая ей ухаживать за гостем прилежнее.

Цзычу не хотелось обижать девушку отказом. К тому же здешнее вино, мутное и слабое на вкус, казалось ему почти безвредным, поэтому он послушно осушал кубок за кубком.

Разумеется, в компании хмельных мужчин и податливых девиц пиршество не могло ограничиться одними лишь песнями.

Вскоре три самые видные красавицы, деланно споткнувшись, с тихим писком опустились на колени к пирующим. По залу поплыл густой девичий смех, шепот и звон украшений.

Цзычу не питал к куртизанкам ни малейшего интереса, а потому держался с прохладцей. Девица, не привыкшая к столь равнодушному приему, быстро смекнула, что кокетство тут бессильно. Оставив ласки, она завела с ним непринужденную беседу, и Цзычу, искусно направляя разговор, вскоре выведал у неё расположение всех мало-мальски значимых улиц и переулков Ханьдани.

Однако древнее вино, несмотря на малую крепость, брало свое. К концу вечера голова у Цзычу пошла кругом.

Тряхнув головой в тщетной попытке прогнать хмель, он с трудом поднялся, опираясь ладонями о столешницу. Его щеки пылали румянцем, а взгляд затуманился. Кое-как сфокусировав взор на хозяине дома, он виновато улыбнулся:

— Великий торговец Люй... Позвольте мне... покинуть вас...

Сердце Люй Бувэя пропустило удар при виде этого сонного, разомлевшего взгляда. Сделав шаг вперед, он крепко сжал горячие пальцы юноши и увлек его в сторону внутренних покоев:

— Вы изрядно пьяны, молодой господин. Оставайтесь сегодня у меня.

Осознав, что его голос прозвучал излишне поспешно, он тут же смягчил тон:

— Прежде вы частенько ночевали под моей крышей после долгих пиров, так что моя супруга не станет вас винить.

Не давая Цзычу возможности возразить, купец передал его на попечение подоспевших служанок, а сам торопливо развернулся обратно к залу, громко бросив через плечо:

— Пойду пригляжу за Офицером Гунсунем, а то как бы он не захлебнулся в собственной чаше.

Ноги Цзычу подкашивались. Силы, на которых он держался мгновение назад, окончательно иссякли. Окруженный кольцом заботливых служанок, он не мог ни сопротивляться, ни толком отстраниться — разум его заволокла сонная пелена. Если бы не хрупкие девичьи плечи, подпиравшие его с двух сторон, он бы рухнул прямо на холодный пол.

Когда его наконец опустили на мягкое ложе, перед глазамиплыли разноцветные круги.

Девушки бесшумно покинули комнату. Сонная духота окутала постель, а плотный шелк многослойного халата казался теперь невыносимо тяжелым и жарким. Цзычу недовольно застонал и принялся неумело терзать завязки пояса.

— Цзычу, как ты? Голова не... — Люй Бувэй, держа в руках чашу с отваром от похмелья, отодвинул тяжелый полог кровати и осекся на полуслове.

Посудина выскользнула из его онемевших пальцев. Словно околдованный, купец шагнул ближе. Он опустился на край ложа и перехватил непослушные руки юноши. Пальцы его дрожали, когда он медленно, слой за слоем, освобождал горячее тело Цзычу от узкого пояса и тяжелых шелков, оставляя его совершенно нагим.

Раздался тихий, отчетливый шлепок — на белоснежное покрывало упала крупная капля темно-красной крови. Люй Бувэй не веря своим глазам, зажал ладонью нос.